Правовой режим цифровых активов (на примере Big Data)

ЛАПТЕВА Анна Михайловна, доцент кафедры финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук

198099, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17

E-mail: laptevaann@rambler.ru

Автором предпринята попытка рассмотреть комплексно вопросы, касающиеся правового регулирования использования цифровых активов в коммерческом обороте. В юридической и экономической доктрине, равно как и в правоприменительной практике, отсутствует единообразный подход к содержанию понятий «цифровая экономика», «цифровой актив», «большие данные» (Big Data). Указанные обстоятельства предопределили тему исследования.

Целью статьи является изучение недостаточно разработанных проблем, связанных с правовой природой и правовым режимом цифровых активов, больших данных, а также условий их оборота.

Сформулирован вывод, что большие данные представляют собой имущественный комплекс, включающий совокупность объектов с различной правовой природой, которые имеют общее целевое назначение. Единство цели консолидирует эту совокупность в единый самостоятельный объект гражданского права, обладающий признаками оборотоспособности и предполагающий специфические способы защиты прав его правообладателя.

Доминантой больших данных как разновидности имущественных комплексов являются: 1) информация, которая состоит из «сырых» данных (необработанных данных) и результатов обработки этих данных (которые могут быть и в овеществленной форме); 2) имущественные права (например, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), базы данных). Особенность такого имущественного комплекса состоит в том, что ценность и полезность элементов этого комплекса (значение для конкретных лиц и обществ в целом) могут представлять интерес как сами по себе, так и в совокупности.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровой актив, большие данные.

Legal Regime of the Digital Assets (on Example Big Data)

A. M. LAPTEVA, associate professor at the Department of financial law of the Law faculty of the St. Petersburg campus of the National Research University "Higher School of Economics", candidate of legal sciences

17, Promyshlennaya st., St. Petersburg, Russia, 198099

E-mail: laptevaann@rambler.ru

The author attempts to address comprehensively issues relating to the regulation of the use of digital assets in commercial circulation. It should be noted that in legal and economic doctrine, as well as in law enforcement practice, there is no uniform approach to the content of the concepts "digital economy", "digital asset" and Big Data. Hence, these circumstances determine the topic of the study.

The purpose of the article is to study the insufficiently considered issues related to the legal nature and legal regime of digital assets, big data, as well as the conditions for their turnover.

The conclusion states that Big Data is a complex property, includes a set of objects with different legal nature, which have a common purpose. The unity of purpose consolidates this set into a single independent object of civil law, possessing signs of revolving ability and suggesting specific ways of protecting the owner's rights.

The dominant feature of Big Data as a variety of complex property is: 1) information, which consists of "raw data" and the results of processing "raw data" (which can also be in materialized form); 2) property rights (for example, exclusive rights to the results of intellectual activity of a program for electronic computers (computer programs) and databases). The peculiarity of such a complex property is that the value and usefulness its elements (value for specific individuals and entities as a whole) may be of interest both due to their essence and in aggregate.

Keywords: digital economy, digital asset, Big Data.

DOI: 10.12737/art_2019_4_8

В последнее время в средствах массовой информации много говорится о необходимости развития в нашей стране цифровой экономики¹. Старт этому процессу был дан на Давосском форуме. В частности, президент Форума профессор К. Шваб предупредил о грядущем глобальном социальном кризисе: «Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности — это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества»².

Идеи, высказываемые в публицистике, были подхвачены в научной литературе³.

¹ Концепцию цифровой (электронной) экономики связывают с американским ученым-информатиком Николасом Негропonte, который в 1995 г. представил ее в форме перехода от движения атомов к движениям битов. См.: Добрынин А. П., Черных К. Ю., Куприяновский В. П. и др. Цифровая экономика — различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, big data и другие) // *International Journal of Open Information Technologies*, 2016, vol. 4, no. 1, p. 4. Между тем наряду с термином «цифровая экономика» в научной литературе используются термины «новый технологический уклад мира», «API экономика», «экономика приложений», «креативная экономика» и т. п. В то же время терминологический разнобой преодолевается путем стремления к единообразному употреблению соответствующих понятий на уровне регионов. Так, европейские исследователи склонны употреблять термин «цифровая экономика», а американцы тяготеют к более технологическому названию — API экономика. В рамках настоящей статьи оба термина будут использоваться в качестве синонимов.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017. С. 8.

³ См., например: Евтянова Д. В. Критерии создания цифровых платформ управления экономикой // *Экономические системы*. 2017.

В отечественном правопорядке развитие цифровой экономики можно связать с Посланием Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г., в котором предлагалось запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики.

Впоследствии был принят ряд нормативных актов, основанных на идеях Послания. Так, в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» указано, что способствовать формированию цифровой экономики призваны в том числе стратегические национальные приоритеты Российской Федерации при развитии информационного общества.

В 2017 г. была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴, где цифровая экономика представлена тремя уровнями, которые в тесном взаимодействии

Т. 10. № 3. С. 54—57; Зубарев А. Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2017. № 4. С. 177—184; Сухарева М. А. От концепции постиндустриального общества к концепции экономики знаний и цифровой экономики: критический анализ терминологического поля // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 68. С. 445—464; Иванов А. Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // *Закон*. 2018. № 2. С. 106—119; Мигачева Е. В. Налоговый контроль в условиях развития цифровой экономики // *Финансовое право*. 2018. № 8. С. 21—25; Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 85—102.

⁴ Утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р (утратило силу в связи с изданием распоряжения Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 195-р).

вливают на жизнь граждан и общества в целом.

В целях реализации названной Программы принято постановление Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1030 «О системе управления реализацией программы “Цифровая экономика Российской Федерации”», которым утверждены Правила разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации данной Программы⁵.

Таким образом, в Российской Федерации стала формироваться правовая база регулирования цифровой экономики.

В юридической литературе под цифровой экономикой понимается система экономических отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех ее сферах. Хозяйственная деятельность в такой экономике осуществляется с помощью электронных или цифровых технологий⁶.

Другими словами, цифровая экономика — это система отношений,

основанных на использовании цифровых технологий. В связи с этим чрезвычайно важным становится исследование вопросов, касающихся правового регулирования использования цифровых технологий в коммерческом обороте.

Между тем в настоящее время перечисленные явления не получили адекватного правового регулирования. Сложившаяся ситуация, как нам кажется, обусловлена в том числе отсутствием правовой теории, в рамках которой определяется юридическая сущность этих сложных феноменов. Например, при обращении к юридической доктрине можно заметить, что в ней довольно часто используется термин «цифровой актив», которым охватываются такие явления, как криптовалюты, токены, биткойны⁷, большие данные (Big Data)⁸. Однако содержание этого термина не всегда раскрывается.

В экономической научной литературе можно наблюдать похожую ситуацию. В частности, этим термином часто оперируют ученые, не раскрывая его содержания⁹.

⁵ Впоследствии были приняты различные акты, направленные на реализацию данной Программы: приказ Минэкономразвития России от 17 апреля 2018 г. № 200 «Об обеспечении решения задач по нормативному правовому регулированию отношений в сфере цифровой экономики»; План мероприятий по направлению «Информационная безопасность» программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18 декабря 2017 г. № 2); Положение о Совете по развитию цифровой экономики при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, утв. распоряжением Председателя СФ ФС РФ от 29 июня 2018 г. № 115рп-СФ; и др.

⁶ См.: Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 12.

⁷ См.: Лагутин И. Б., Сусликов В. Н. Правовое обеспечение блокчейн-технологий (вопросы теории и практики) // Финансовое право. 2018. № 1. С. 26—28; Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94—117. Похожее суждение можно найти у О. А. Рузакова, Е. С. Гринь. См.: Рузакова О. А., Гринь Е. С. Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4. С. 508—520.

⁸ См.: Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27.

⁹ См.: Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2017; Гукасян Г. М. Экономика от «А» до «Я»: Тематический справочник. М., 2007.

В то же время в нормативном регулировании начинают формироваться подходы к определению содержания этого понятия. Например, в решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» «цифровой актив» определяется как совокупность информации в цифровой форме и средств по ее обработке, собранной на основе конкурентной бизнес-модели, использование которой приводит к получению экономических выгод.

Другими словами, цифровой актив имеет информационную природу и характеризуется цифровой формой, а также тем, что его использование приводит к получению экономических выгод.

На сегодняшний день у российского законодателя сформировались две возможные модели регулирования правового режима цифровых активов.

Первая модель нашла отражение в проекте федерального закона «О цифровых финансовых активах»¹⁰, который был опубликован в

январе 2018 г. и вызвал бурную дискуссию среди специалистов¹¹. Однако содержание законопроекта шире его наименования, поскольку в нем предлагается регулировать осуществление прав и исполнение обязанностей по смарт-контрактам.

Основная идея этого законопроекта состоит в том, что цифровой финансовый актив¹² является разновидностью имущества в электронной форме¹³, которое закрепляется

¹¹ См.: Карцхия А. А. Цифровое будущее классической цивилистики // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. № 5. С. 35—46; Буркова А. Регулирование финансовых технологий в России // Право и экономика. 2018. № 5. С. 5—9; Баранов Г. Закон, что вышло. Как Россия будет регулировать криптовалюты // Финансовая газета. 2018. № 11; Бондарчук Д. Криптовалюту, майнинг и смарт-контракты легализуют. Как это отразится на юридической работе? // ЭЖ-юрист. 2018. № 6.

¹² Законодатель оперирует термином «цифровой финансовый актив», однако в юридической и экономической литературе для описания этого явления используется термин «цифровой актив». Кроме того, некоторыми авторами указывается, что название «О цифровых финансовых активах» является грубой калькой с англоязычного «On Digital financial assets», искажающее юридическую сущность данного института. В частности, исходя из содержания ст. 2 законопроекта, речь идет не о финансовых активах, а о финансовых обязательствах эмитентов (облигациях), которые в зависимости от их держателя могут быть как активом, так и пассивом, т. е. являются имуществом. См.: Павлов В. П. Цифровая форма финансовых обязательств: проблемы правового регулирования // Банковское право. 2018. № 3. С. 37—38. Полагаем, что целесообразнее использовать термин «цифровой актив», который указывает на характеристику этого явления (цифровой), позволяя обособить его от других схожих явлений нематериального мира. В этой статье будем использовать их в качестве синонимов.

¹³ В юридической литературе такое положение было подвергнуто критике, например указывалось, что институт права собствен-

¹⁰ Проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/>. По законопроекту было два заключения комитетов Государственной Думы РФ, а также отзыв Правительства РФ. Комитет Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям указал на наличие разночтений в терминологии с существующими нормативными правовыми актами и на необходимость внесения изменений в ГК РФ. В свою очередь, Комитет Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству отметил неясность терминологии и необходимость соотнесения этого проекта с проектом федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

за субъектами на праве собственности, следовательно, механизм передачи должен быть схож с переходом прав на вещи. К цифровым финансовым активам, относятся криптовалюты¹⁴, токен¹⁵.

Цифровым активам присущи следующие особенности правового режима:

наличие права собственности на такие активы. Особенность удостоверения такого права состоит во внесении цифровых записей в реестр цифровых транзакций. Последний является систематизированной базой цифровых записей, которая формируется на определенный момент времени;

сделки (обмен токенов на рубли, иностранную валюту) с этими активами могут совершаться на территории Российской Федерации при условии установления порядка совершения таких сделок Банком России по согласованию с Правительством РФ; при этом осуществление таких сделок возможно только через оператора обмена цифровых финансовых активов¹⁶;

ности имеет своим предметом только телесные блага, т. е. вещи. См: Павлов В. П. Указ. соч. С. 39—40.

¹⁴ Криптовалюта определяется как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций.

¹⁵ Токен — вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (далее — эмитент) с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций.

¹⁶ Операторами обмена цифровых финансовых активов могут быть только юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации и осуществляющие виды деятельности, указанные в ст. 3 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», или юридические лица, являющиеся организаторами торговли в соответствии с

цифровые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации.

Вторая модель регулирования предложена в проекте федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁷, который был внесен в Государственную Думу РФ в конце марта 2018 г.

Идея этого законопроекта состоит в том, что в качестве объекта выступает цифровое право, которое является разновидностью имущественных прав.

Цифровые права — это новый объект гражданских прав, которые представляют собой цифровой код или обозначение, т. е. совокупность электронных данных, существующую в информационной системе, отвечающую установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав.

Переход таких прав, по мнению составителей проекта, должен осуществляться исключительно посредством внесения в информационную систему сведений о передаче цифрового права приобретателю. Возникновение таких прав возможно только в предусмотренных законом случаях.

С правовой точки зрения цифровое право — это новая юридическая фикция, которая схожа с сущностью бездокументарной ценной бумаги.

Авторы законопроекта также указывают, что цифровое право может удостоверить лишь права на

Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах».

¹⁷ URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7>.

вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права.

Таким образом, будучи «правом на право», цифровое право предстает своего рода оболочкой для различных объектов гражданских прав.

Следует отметить и общую тенденцию двух предложенных моделей регулирования, заключающуюся в том, что оборот таких «объектов» будет возможен только в предусмотренных законом случаях¹⁸.

Указанные подходы требуют тщательной доработки, поскольку они оставляют открытыми многие существенные вопросы¹⁹: какое место занимают цифровое имущество и цифровые права в системе объектов гражданских прав; каково их соотношение с другими объектами гражданских прав; каков порядок их оборота; какова в принципе на современном этапе понимания этого

¹⁸ В литературе указывается, что при установлении запрета на свободный оборот криптовалюты и предоставление возможности совершения сделок с ней только профессиональным участникам рынка необходимо учитывать последствия. Во-первых, такой запрет на оборот криптовалют среди частных лиц практически никак не повлияет по причине высокой латентности таких транзакций. Во-вторых, вынудит многие компании рассматривать варианты организации бизнеса в иных, более благоприятных, юрисдикциях. См.: *Сидоренко Э., Савельев А., Пушков А.* и др. Нужно ли регулировать биткоин? // Закон. 2017. № 9. С. 20—33.

¹⁹ В юридической литературе существует различное отношение к предлагаемым законодателем моделям. Некоторые считают более предпочтительной вторую модель. См.: *Андреев В. К.* Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 60—61. Другие, наоборот, предпочитают первую модель. См.: *Лаптев В. А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 204.

явления реальная возможность по регулированию соответствующих отношений?

В юридической литературе предлагается несколько вариантов регулирования цифровых активов, которые можно разделить на несколько подходов.

Первый подход заключается в том, что цифровые активы обладают общими особенностями²⁰, присущими их разновидностям, и на них возможно распространить единый правовой режим объекта гражданских прав. Однако дискуссионным остается вопрос: какой конкретно правовой режим применим для цифровых активов?

В связи с этим данный подход имеет следующие разновидности.

Первая группа авторов предлагает использовать имеющиеся в наличии правовые режимы объектов гражданских прав²¹, например применять аналогию с интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности²², применять классические гражданско-правовые институты по аналогии, такие как бездокументарные ценные бумаги²³.

²⁰ Например, В. А. Лаптев выделяет следующие особенности цифровых активов: 1) существование в электронной форме (электронная информация); 2) юридическая судьба цифрового актива определяется без использования посредников. См.: *Лаптев В. А.* Указ. соч. С. 201.

²¹ А. И. Савельев полагает, что предпочтительнее распространение уже существующего правового режима, наиболее близкого по существу объекта, а вместе с ним и наиболее применимый (понятный) к нему тип прав (вещное, обязательственное, исключительное, корпоративное и пр.). Однако какой именно режим следует использовать и к каким цифровым активам — автор умалчивает. См.: *Савельев А. И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 50—51.

²² См.: *Карцхия А. А.* Указ. соч. С. 20.

²³ См.: *Новоселова Л. А.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство

Вторая группа авторов исходит из того, что для цифровых активов необходим собственный правовой режим (новый правовой режим). Так, Е. В. Воскресенская (применительно к виртуальной валюте) считает, что виртуальная валюта должна признаваться объектом гражданских прав, относящимся к категории «иное имущество», поскольку валюта имеет экономическую ценность в силу возможности ее конвертации в денежные средства²⁴.

Второй подход состоит в том, что не нужно обременять законодательство новыми понятиями (в частности, «цифровые активы»), поскольку у цифрового актива не может быть единого правового режима. В качестве обоснования приводится положение о том, что результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме, большие данные, токены и криптовалюты не должны подчиняться единым правилам²⁵.

Представляется, что для ответа на поставленные вопросы сначала необходимо определиться с правовой природой явлений, относящихся к разновидности цифровых активов. Поскольку уяснение их правовой природы позволит говорить о наличии или отсутствии у них общих признаков, соответственно, можно говорить о возможности или невозможности объединения их в рамках единого правового режима (объекта гражданских прав).

Как отмечено выше, развитие и использование цифровых техно-

логий способствует появлению новых инструментов инвестирования в области цифровой экономики. Одним из таких инструментов можно назвать большие данные (Big Data), которые в юридической литературе относятся к разновидности цифровых активов²⁶. Между тем в законопроектах, посвященных регулированию правового режима цифровых активов, отсутствует упоминание о больших данных как разновидности цифровых активов.

В научной литературе появление больших данных связывают с таким возрастанием объема информации, что ее количество уже фактически не помещалось в памяти компьютера, используемого для обработки. Как следствие, возникла потребность в технологической модернизации, результатом которой и стали новые технологии обработки, дающие возможность управлять намного большим количеством данных, чем прежде²⁷.

В современный период значение больших данных заключается в том, что они позволяют осуществлять прогнозирование в различных сферах общественной жизни. Примером могут быть хедж-фонды, анализирующие записи в Twitter в целях прогнозирования работы фондового рынка, компании Amazon и Netflix, рекомендующие продукты исходя из множества взаимодействий пользователей со своими сайтами²⁸, компания X5 Retail Group, анализирующая многомиллиардные архивы чеков для планирования продаж и промоакций²⁹.

Особенность больших данных состоит в том, что при их использовании можно получить более точный результат и увидеть нюансы, недо-

и право. 2017. № 12. С. 29—44. А. Саркисянц также полагает, что наиболее оправданным видится статус финансового актива по аналогии с эмиссионными ценными бумагами. См.: Саркисянц А. Цифровой банкинг: мировой опыт и российская специфика // Бухгалтерия и банки. 2018. № 6—7.

²⁴ См.: Воскресенская Е. В. О необходимости правового регулирования виртуальных валют // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2.

²⁵ См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Указ. соч. С. 34.

²⁶ См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Указ. соч. С. 27.

²⁷ См.: Майер Шенбергер В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М., 2014. С. 14.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Указ. соч. С. 30—31.

ступные при ограничении небольшим объемом данных³⁰.

При этом не вполне ясно, что именно представляют собой большие данные? Можно ли говорить о том, что это сам объем информации (так называемые сырые данные, т. е. абстрактные факты, необработанная информация)? Или это результат обработки такой информации?³¹ А может, это технологии обработки большого объема информации?³² Или, наконец, это те операции, которые можно выполнять исключительно в большом масштабе?³³

Что касается классификации больших данных, то по источнику формирования их предлагают делить: 1) на коммерческие данные, обрабатываемые в специализированных системах организации (данные о сотрудниках, о закупаемой и реализуемой продукции, бухгалтерские данные); 2) данные, созданные пользователями сети Интернет (информация, доступная в

социальных сетях, на форумах, тематических веб-сайтах); 3) данные, создаваемые техническими устройствами (лог-файлы, данные геолокационных устройств, показатели датчиков и сенсоров и т. д.)³⁴.

Представляется, что для определения юридического содержания понятия «большие данные» необходимо обратиться к его экономической сущности. Если взглянуть на большие данные с экономической точки зрения, то они по сути являются информацией, способной к обороту.

Особенность этой информации состоит, во-первых, в ее значительном объеме (количественный признак); во-вторых, в назначении этой информации, поскольку таковая может быть использована для прогнозирования (этот признак можно назвать качественным). И третьим признаком является технологическая особенность обработки информации³⁵.

Соответственно, возникают вопросы: в каких юридических конструкциях могут быть выражены большие данные; какую правовую форму приобретает это явление?

На наш взгляд, юридической формой больших данных как объекта гражданских прав может выступить конструкция имущественного комплекса, которая представляет собой совокупность разнородных вещей, имущественных прав (обязательственных, исключительных прав),

³⁰ См.: Майер Шенбергер В. Указ. соч. С. 17.

³¹ См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Указ. соч. С. 27—28.

³² См.: Карцхия А. А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17.

³³ См.: Майер Шенбергер В. Указ. соч. С. 17. Похожий подход можно найти у А. И. Савельева и Е. В. Булгакова, В. Г. Булгаковой. Авторы исходят из того, что большие данные — это совокупность инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов из различных источников, подверженных постоянным обновлениям, в целях повышения качества принятия управленческих решений, создания новых продуктов и повышения конкурентоспособности. См.: Савельев А. И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2016. С. 671; Булгакова Е. В., Булгаков В. Г. Использование «больших данных» в системе государственного управления: условия, возможности, перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3. С. 10—14.

³⁴ В этой классификации делению подвергнуты большие данные в значении информации, включая «сырую» и обработанную. См.: Савельев А. И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий.

³⁵ Следует отметить, что в научной литературе среди признаков больших данных называют также большой объем, разнообразие, высокую скорость изменения и возможность обработки в режиме «реального времени», точность. Подробнее см.: Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 124.

долгов (обязательств), имеющих общее целевое назначение и образуют единое правовое целое.

Большие данные как разновидность имущественного комплекса могут включать: 1) информацию³⁶, состоящую из «сырых данных» (необработанных данных) и результатов обработки (которые могут быть в том числе в овеществленной форме),

³⁶ Вопрос о допустимости рассмотрения информации в качестве объекта прав является дискуссионным. С одной стороны, в ст. 128 ГК РФ среди объектов гражданских прав информация не названа (в прежней редакции ГК РФ она присутствовала в перечне объектов гражданских прав). Указанное положение, по мнению некоторых авторов, означает, что объектом гражданских прав может быть лишь информация, подпадающая под признаки секрета производства (ноу-хау), относящегося к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности. См.: Объекты гражданских прав: постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2009 (Крашенинников П. В. Вступительное слово). С другой стороны, исключение информации из числа объектов гражданских прав противоречит фактически существующей практике, поскольку участники оборота могут договориться между собой о возмездной передаче любой (даже общеизвестной) информации посредством заключения гражданско-правовой сделки. См.: Дейнеко А. Г. Право киберпространства: pro et contra // Право в сфере Интернета: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2018. 528 с. Полагаем, что следует согласиться с авторами, считающими информацию самостоятельным объектом гражданских прав, поскольку она фактически обладает признаками объекта гражданских прав, но при этом не сводима по содержанию к иным объектам гражданских прав. Об этом свидетельствует, по мнению А. И. Савельева, появление больших данных, обусловившее коммерческую ценность различного рода массивов «сырых данных». См.: Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 150—152. Однако следует иметь в виду, что речь идет о данных, которые способны к обработке или обработаны.

2) имущественные права (например, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), базы данных).

При этом правовой режим элементов такого комплекса будет различаться. Однако технологическая взаимосвязь элементов, входящих в состав такого имущественного комплекса, неразрывна, что и позволяет ставить вопрос о самостоятельном характере этого объекта гражданских прав. В данном случае допустимо провести аналогию с предприятием как имущественным комплексом.

Особенность такого имущественного комплекса состоит в том, что ценность и полезность элементов такого комплекса (значение для конкретных лиц и обществ в целом) могут представлять интерес как сами по себе, так и в совокупности.

Отдельные элементы такого имущественного комплекса могут при определенных условиях выступать в качестве самостоятельного объекта оборота, представляя интерес для пользователей. Так, в коммерческом обороте могут иметь ценность неструктурированные данные, с которыми будущему пользователю только предстоит работать (примером может служить неструктурированная информация, собираемая для маркетолога).

Для других, напротив, интерес представляют результаты обработки данных, т. е. итоговые отчеты (примером могут служить суммы кассовых сборов по определенному фильму за определенный период времени с распределением по регионам)³⁷.

Для третьих важны сами технологии, которые позволяют обрабатывать значительный массив данных в определенной сфере (например, выполнение заемщиком своих долговых обязательств).

³⁷ См.: Амелин Р. В. Правовой режим государственных информационных систем: монография / под ред. С. Е. Чаннова. М., 2016. 338 с.

Библиографический список

- Амелин Р. В. Правовой режим государственных информационных систем: монография / под ред. С. Е. Чаннова. М., 2016.
- Андреев В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 8.
- Баранов Г. Закон, что вышло. Как Россия будет регулировать криптовалюты // Финансовая газета. 2018. № 11.
- Бондарчук Д. Криптовалюту, майнинг и смарт-контракты легализуют. Как это отразится на юридической работе? // ЭЖ-юрист. 2018. № 6.
- Булгакова Е. В., Булгаков В. Г. Использование «больших данных» в системе государственного управления: условия, возможности, перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3.
- Буркова А. Регулирование финансовых технологий в России // Право и экономика. 2018. № 5.
- Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1.
- Воскресенская Е. В. О необходимости правового регулирования виртуальных валют // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2.
- Гукасян Г. М. Экономика от «А» до «Я»: Тематический справочник. М., 2007.
- Дейнеко А. Г. Право киберпространства: pro et contra // Право в сфере Интернета: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2018.
- Добрынин А. П., Черных К. Ю., Куприяновский В. П. и др. Цифровая экономика — различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, big data и другие) // International Journal of Open Information Technologies, 2016, vol. 4, no. 1, p. 4.
- Евтянова Д. В. Критерии создания цифровых платформ управления экономикой // Экономические системы. 2017. Т. 10. № 3.
- Зубарев А. Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4.
- Иванов А. Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2.
- Карцхия А. А. Цифровое будущее классической цивилистики // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. № 5.
- Карцхия А. А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8.
- Лагутин И. Б., Сусликов В. Н. Правовое обеспечение блокчейн-технологий (вопросы теории и практики) // Финансовое право. 2018. № 1.
- Лаптев В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2.
- Мигачева Е. В. Налоговый контроль в условиях развития цифровой экономики // Финансовое право. 2018. № 8.
- Новоселова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12.
- Объекты гражданских прав: постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2009.
- Павлов В. П. Цифровая форма финансовых обязательств: проблемы правового регулирования // Банковское право. 2018. № 3.
- Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2017.
- Рузакова О. А., Гринь Е. С. Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4.
- Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8.
- Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5.
- Савельев А. И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2016.
- Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5.

Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2.

Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4.

Саркисянц А. Цифровой банкинг: мировой опыт и российская специфика // Бухгалтерия и банки. 2018. № 6—7.

Сидоренко Э., Савельев А., Пушков А. и др. Нужно ли регулировать биткойн? // Закон. 2017. № 9.

Сухарева М. А. От концепции постиндустриального общества к концепции экономики знаний и цифровой экономики: критический анализ терминологического поля // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017.

References

Amelin R. V. Pravovoy rezhim gosudarstvennykh informatsionnykh sistem [Legal regime of state information systems]. Ed. by S. Ye. Channov. Moscow, 2016. 338 p.

Andreev V. K. Subektivnoe grazhdanskoe pravo i inye proyavleniya voli i interesa v deyatelnosti yuridicheskikh lits [Subjective Civil Law and other Manifestations of Will and Interest in the Activities of Legal Entities]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 8, pp. 58—68.

Baranov G. Zakon, chto vyshlo. Kak Rossiya budet regulirovat kriptovalyuty [Which way will Russia will regulate cryptocurrencies]. *Finansovaya gazeta*, 2018, no. 11.

Bondarchuk D. Kriptovalyutu, mayning i smart-kontrakty legalizuyut. Kak eto otrazitsya na yuridicheskoy rabote? [Cryptocurrency, mining and smart contracts are legalized. How will it influence of the legal work]. *EZh-yurist*, 2018, no. 6, pp. 1—2.

Bulgakova Ye. V., Bulgakov V. G. Ispolzovanie “bolshikh dannykh” v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: usloviya, vozmozhnosti, perspektivy [Big Data in public administration: conditions, opportunities, prospects]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 3, pp.10—14.

Burkova A. Regulirovanie finansovykh tekhnologiy v Rossii [Regulation of financial technologies in Russia]. *Pravo i ekonomika*, 2018, no. 5, pp. 5—9.

Deyneko A. G. Pravo kiberprostranstva: pro et contra [Cyberspace law: pro et contra]. *Pravo v sfere Interneta*. Ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, 2018. 528 p.

Dobrynin A. P., Chernykh K. Yu., Kupriyanovskiy V. P. et al. Tsifrovaya ekonomika — razlichnye puti k effektivnomu primeneniyu tekhnologiy (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, big data i drugie) [The Digital Economy — the various ways to the effective use of technology (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA, and others)]. *International Journal of Open Information Technologies*, 2016, vol. 4, no. 1, p. 4, pp. 11—14.

Gukasyan G. M. Ekonomika ot “A” do “Ya” [Economy from “A” to “Z”]: tematicheskii spravochnik. Moscow, 2007. 480 p.

Ivanov A. Yu. Kontrol monopolizatsii v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki: pervaya chast diskussii o pyatom antimonopolnom pakete [Merger review in the digital age: episode one in discussions on the fifth competition law reform package]. *Zakon*, 2018, no. 2, pp. 106—119.

Kartskhiya A. A. Tsifrovoe budushchee klassicheskoy tsivilistiki [Digital law as a future of classic civil law]. IS. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2018, no. 5, pp. 35—46.

Kartskhiya A. A. Tsifrovoy imperativ: novye tekhnologii sozdayut novuyu realnost [Digital imperative: new technologies create new reality]. IS. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2017, no. 8, pp. 17—26.

Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti [The Law in the Conditions of Digital Reality]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102.

Lagutin I. B., Suslikov V. N. Pravovoe obespechenie blokcheyn-tekhnologiy (voprosy teorii i praktiki) [Legal Support of Blockchain Technologies (Issues of Theory and Practice)]. *Finansovoe pravo*, 2018, no. 1, pp. 25—29.

Laptev V. A. Tsifrovye aktivy kak obekty grazhdanskikh prav [Digital assets as objects of the civil rights]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 199—203.

Migacheva Ye. V. Nalogovyy kontrol v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Tax Control in the Conditions of Digital Economy Development]. *Finansovoe pravo*, 2018, no. 8, pp. 21—25.

Novoselova L. A. “Tokenizatsiya” obektov grazhdanskogo prava [Tokenization of the objects of civil rights]. *Khozyaystvo i pravo*, 2017, no. 12, pp. 29—44.

Obekty grazhdanskikh prav: postateyny kommentariy k glavam 6, 7 i 8 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Objects of civil rights: article comment to chapters 6, 7 and 8 of the Civil code of the Russian Federation]. Ed. by P. V. Krashenninnikov. Moscow, 2009. 224 p.

Pavlov V. P. Tsifrovaya forma finansovykh obyazatelstv: problemy pravovogo regulirovaniya. *Bankovskoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 37—40.

Rayzberg B. A., Lozovskiy L. Sh., Starodubtseva Ye. B. Sovremennyy ekonomicheskii slovar [Actual economic dictionary]. Moscow, 2017. 512 p.

Ruzakova O. A., Grin Ye. S. Primenenie tekhnologii blockchain k sistematizatsii rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti [Application of Blockchain Technologies in Systematizing the Results of Intellectual Activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 508—520.

Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Tsifrovye aktivy kak obekty predprinimatelskogo oborota [Digital assets as the objects of the entrepreneurial circulation]. *Pravo i ekonomika*, 2018, no. 4, pp. 27—34.

Sarkisyants A. Tsifrovoy banking: mirovoy opyt i rossiyskaya spetsifika [Digital banking: international experience and Russian specifics]. *Bukhgalteriya i banki*, 2018, no. 6—7, pp. 55—64.

Savelev A. I. Kriptovalyuty v sisteme obektov grazhdanskikh prav [Cryptocurrencies in the system of civil law objects]. *Zakon*, 2017, no. 8, pp. 136—153.

Savelev A. I. Napravleniya evolyutsii svobody dogovora pod vliyaniem sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy [Directions of evolution of freedom of contract under the influence of modern information technologies]. *Svoboda dogovora*. Ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, 2016. 671 p.

Savelev A. I. Napravleniya regulirovaniya bolshikh dannykh i zashchita neprikosновенности chastnoy zhizni v novykh ekonomicheskikh realiyakh [Big data regulations and privacy protection practices in new economic realities]. *Zakon*, 2018, no. 5, pp. 122—144.

Savelev A. I. Nekotorye pravovye aspekty ispolzovaniya smart-kontraktov i blokcheyn-tekhnologiy po rossiyskomu pravu [Some legal aspects of implementation of smart contracts and blockchain technologies under russian law]. *Zakon*, 2017, no. 5, pp. 94—117.

Savelev A. I. Nekotorye riski tokenizatsii i blokcheynizatsii grazhdansko-pravovykh otnosheniy [Some risks related to tokenization and blockchainisation of civil-law relations]. *Zakon*, 2018, no. 2, pp. 36—56.

Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The fourth industrial revolution]. Moscow, 2017. 128 p.

Sidorenko E., Savelev A., Pushkov A. et al. Nuzhno li regulirovat bitcoin? *Zakon*, 2017, no. 9, pp. 20—33.

Sukhareva M. A. Ot kontseptsii postindustrialnogo obshchestva k kontseptsii ekonomiki znaniy i tsifrovoy ekonomiki: kriticheskiy analiz terminologicheskogo polya [From the theories of post-industrial society to the concept of knowledge economy and digital economy: a critical analysis of the terminology field]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, 2018, no. 68, pp. 445—463.

Vaypan V. A. Pravovoe regulirovanie tsifrovoy ekonomiki [Legal Regulation of Digital Economy]. *Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie “Pravo i Biznes”*, 2018, no. 1, pp. 12—17.

Voskresenskaya Ye. V. O neobkhodimosti pravovogo regulirovaniya virtualnykh valyut [On the Need for Legal Regulation of Virtual Currencies]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2018, no. 2, pp. 148—151.

Yevtyanova D. V. Kriterii sozdaniya tsifrovyykh platform upravleniya ekonomikoy [The criteria for the creation of digital economic management platforms]. *Ekonomicheskie sistemy*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 54—57.

Zubarev A. Ye. Tsifrovaya ekonomika kak forma proyavleniya zakonomernostey razvitiya novoy ekonomiki [The Digital Economy as Expression of Regularities in the New Economy Development]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 177—184.